

Алексей Константинович Толстой

поэмы

Грешница

1

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты;
Чертоги убраны богато,
Везде горит хрусталь и золото,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаясь с музыкой,
Их перекрестный разговор.

Ничем беседа не стеснима,
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собранье тайном,
Торговле, мире, и войне,
И Муже том необычайном,
Что появился в их стране.

2

"Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью Он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил;
Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в Нем,
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб и хром;
Ему признания не надо,
Сердец мышленья отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачую муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благу руку,

1

И никого не осудил.
То, видно, Богом муж избранный!
Он там, по онпол Иордана,
Ходил как посланный небес,
Он много там свершил чудес,
Теперь пришел Он, благодушный,
На эту сторону реки,
Толпой прилежной и послушной
За Ним идут ученики".

3

Так гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят;
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая;
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры,
Ее нескромные уборы
О грешной жизни говорят;
Но дева падшая прекрасна;
Взирая на нее, навряд
Пред силой прелести опасной
Мужи и старцы устоят:
Глаза насмешливы и смелы,
Как снег Ливана, зубы белы,
Как зной, улыбка горяча;
Вкруг стана падая широко,
Сквозные ткани дразнят око,
С нагого спущены плеча.
Ее и серьги и запястья,
Звеня, к восторгам сладострастья,
К утехам пламенным зовут,
Алмазы блещут там и тут,
И, тень бросая на ланиты,
Во всем обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падут роскошные волосы;
В ней совесть сердца не тревожит,
Стыдливо не вспыхает кровь,
Купить за злато всякий может
Ее продажную любовь.

И внемлет дева разговорам,
И ей они звучат укором;
Гордыня пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
"Я власти не страшусь ничьей;
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш Учитель,
Он не смутит моих очей!"

Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы;
И вот к толпе, шумящей праздну
Подходит муж благообразный;
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный вид
Неотразимой дышит властью,
К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит.
То Муж на смертных непохожий,
Печать избранника на Нем,
Он светел, как архангел Божий,
Когда пылающим мечом
Врага в кромешные оковы
Он гнал по манию Иеговы.
Невольно грешная жена
Его величьем смущена
И смотрит робко, взор понизив,
Но, вспомня свой недавний вызов,
Она с седалища встает
И, стан свой выпрямивши гибкий
И смело выступив вперед,
Пришельцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает.

"Ты Тот, что учит отреченью -
Не верю Твоему ученью,
Мое надежней и верней!
Меня смутить не мысли ныне,
Один скитавшийся в пустыне,
В посте проведенный сорок дней!
Лишь наслажденьем я влекома,
С постом, с молитвой незнакома,
Я верю только красоте,
Служу вину и поцелуюм,
Мой дух Тобою не волнуем,
Твоей смеюсь я чистоте!"

И речь ее еще звучала,
Еще смеялась она,
И пена легкая вина
По кольцам рук ее бежала,
Как общий говор вокруг возник,
И слышит грешница в смущенье:
"Она ошиблась, в заблужденье
Ее привел пришельца лик -

То не Учитель перед нею,
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик!"

5

Небрежно немощным обидам
Внимал он девы молодой,
И вслед за ним с спокойным видом
Подходит к храмину Другой.
В Его смиренном выраженье
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела.
То не пророка взгляд орлиный,
Не прелесть ангельской красоты,
Делятся на две половины
Его волнистые власы;
Поверх хитона упадая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост,
В движеньях скромнен Он и прост;
Ложась вокруг уст Его прекрасных,
Слегка раздвоена брада,
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.

И пронеслося над народом
Как дуновенье тишины,
И чудно благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданье
Сидит недвижимое собрание,
Тревожно дух переводя.
И Он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком
И, в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохвальной
Остановил свой взор печальный.

6

И был тот взор как луч денницы,
И все открылося Ему,
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму;
И все, что было там таимо,
В грехе что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До глубины озарено;
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,

Вся ложь ее порочных дел,
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла в изумленье,
Как много благ, как много сил
Господь ей щедро подарил
И как она восход свой ясный
Грехом мрачила ежечасно;
И, в первый раз гнушаясь зла,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла.
И, чуя новое начало,
Еще страшась земных препон.
Она, колеблясь, стояла...

И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала...
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница младая,
Дрожат открытые уста,
И пала ниц она, рыдая,
Перед святынею Христа.

1857 (?)

Иоанн Дамаскин

1

Любим калифом Иоанн;
Ему, что день, почет и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд рядить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещут изразцы,
Убраны стены янтарями;
В полдневный зной приют и тень
Дают навесы, шелком ткани,
В узорных банях ночь и день
Шумят студеные фонтаны.

Но от него бежит покой,
Он бродит сумрачен; не той
Он прежде мнил идти дорогой,
Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединенье,
Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, песнопенью.

И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно с ней боролся он,
И от Дамаска до Царьграда
Был, как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен.

Но шум и блеск его тревожит,
Ужиться с ними он не может,
И, тяжелой думой обуян,
Тоска в душе и скорбь на лице,
Вошел правитель Иоанн
В чертог дамасского владыки.
"О государь, вземли! мой сан,
Величье, пышность, власть и сила,
Все мне несносно, все постыло.
Иным призванием влеком,
Я не могу народом править:
Простым рожден я быть певцом,
Глаголом вольным бога славить!
В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки;
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки;
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле -
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!"

И тот просящему в ответ:
"Возвеселись, мой раб любимый!
Печали вечной в мире нет
И нет тоски неизлечимой!
Твоею мудростью одной
Кругом Дамаск могуч и славен.
Кто ныне нам величьем равен?
И кто дерзнет на нас войной?
А я возвышу жребий твой -

Недаром я окрест державен -
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мне мой брат единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!"

К нему певец: "Твой щедрый дар,
О государь, певцу не нужен;
С иною силою он дружен;
В его груди пылает жар,
Которым зиждется создание;
Служить Творцу его призванье;
Его души незримый мир
Престолов выше и порфир.
Он не изменит, не обманет;
Все, что других влечет и манит:
Богатство, сила, слава, честь -
Все в мире том в избытке есть;
А все сокровища природы:
Степей безбережный простор,
Туманный очерк дальних гор
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина -
То все одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет!
О, верь, ничем тот не подкупен,
Кому сей чудный мир доступен,
Кому господь дозволил взгляд
В то сокровенное горнило,
Где первообразы кипят,
Трепещут творческие силы!
То их торжественный прилив
Звучит певцу в его глаголе -
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!"

И рек калиф: "В твоей груди
Не властен я сдержать желанье,
Певец, свободен ты, иди,
Куда влечет тебя призванье!"

И вот правителя дворцы
Добычей сделались забвенья;
Оделись пестрые зубцы
Травой и прахом запустенья;
Его несчетная казна
Давно уж нищим раздана,
Усердных слуг не видно боле,

Рабы отпущены на волю,
И не укажет ни один,
Куда их скрылся господин.
В хоромах стены и картины
Давно затканы паутиной,
И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,
От самых сводов до земли
Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

2

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно,-
Какие ж мне воспеть дела?
Какие битвы или войны?
Где я для дара моего
Найду высокую задачу?
Чье передам я торжество
Иль чье падение оплачу?
Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный;
Блажен, кто жизнь умел
Хоть раз коснуться правды вечной;
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,

Как жертва мысли благородной!
Но не для них моя хвала,
Не им восторга излишня!
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья!
И не в венце сияет он,
К кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен,
Не на звенящей колеснице
Стоит он, гордый сын побед;
Не в торжестве величья - нет,-
Я зрю его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей своих отраду
В сердца простые он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!
Зачем я не могу нести,
О мой господь, Твои оковы,
Твоим страданием страдать,
И крест на плечи Твой приять,
И на главу венец терновый!
О, если б мог я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный след Твоих шагов,
О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

3

Часы бегут. Ночная тень
Не раз сменяла зной палящий,
Не раз, всходя, лазурный день
Свивал покров с природы спящей;
И перед странником вдали
И волновались и росли

Разнообразные картины:
Белели снежные вершины
Над лесом кедровым густым,
Иордан сверкал в степном просторе,
И Мертвое чернело море,
Сливаясь с небом голубым.
И вот, вясь в степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Пред ним Кедронского потока
Давно безводное русло.

Смеркалось. Пар струился синий;
Кругом царила тишина;
Мерцали звезды; над пустыней
Всходила медленно луна.
Брегов сожженные стремнины
На дно сбегают крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвесною стеной.
Внизу кресты, символы веры,
Стоят в обрывах здесь и там,
И видны странника очам
В утесах рытые пещеры.
Сюда со всех концов земли,
Бежав мирского треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
С краев до высохшего дна,
Где спуск крутой ведет в долину,
Руками их возведена
Из камней крепкая стена,
Отпор степному сарацину.
В стене ворота. Тесный вход
Над ними башня стережет.
Тропинка вьется над оврагом,
И вот, спускаясь по скалам,
При свете звезд, усталым шагом
Подходит странник к воротам.
"Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,
К тебе стремился я всегда!
Будь мне убежищем отныне,
Приютом песен и труда!
Все попечения мирские
Сложив с себя у этих врат,
Приносит вам, отцы святые,
Свой дар и гусли новый брат!"

"Отшельники Кедронского потока,
Игумен вас сзывает на совет!
Сбирайтесь все: пришедший издалика
Вам новый брат приносит свой привет!
Велики в нем и вера и призванье,
Но должен он пройти чрез испытанье.

Из вас его вручаю одному:
Он тот певец, меж всеми знаменитый,
Что разогнал иконоборства тьму,
Чьим словом ложь поправа и разбита,
То Иоанн, святых икон защита -
Кто хочет быть наставником ему?"

И лишь назвал игумен это имя,
Заволновался весь монахов ряд,
И на певца дивятся и глядят,
И пробегает шепот между ними.
Главами все поникнувши седыми,
С смирением игумну говорят:

"Благословен сей славный Божий воин,
Благословен меж нас его приход,
Но кто же здесь учить того достоин,
Кто правды свет вокруг себя лиет?
Чье слово нам как колокол звучало -
Того ль приять дерзнем мы под начало?"

Тут из толпы один выходит брат;
То черноризец был на вид суровый,
И строг его пытающий был взгляд,
И строгое певцу он молвил слово:
"Держать посты уставы нам велят,
Служенья ж мы не ведаем иного!"

Коль под моим началом хочешь быть,
Тебе согласен дать я наставленья,
Но должен ты отныне отложить
Ненужных дум бесплодное броженье;
Дух праздности и прелесть песнопенья
Постом, певец, ты должен победить!

Коль ты пришел отшельником в пустыню,
Умей мечты житейские попрасть,
И на уста, смилив свою гордыню,
Ты наложи молчания печать!
Исполни дух молитвой и печалью -
Вот мой устав тебе в новоначалье".

Замолк монах. Нежданный приговор
Как гром упал средь мирного синклита.
Смутились все. Певца померкнул взор,
Покрыла бледность впалые ланиты.

И неподвижен долго он стоял,
Безмолвно опустив на землю очи,
Как будто бы ответа он искал,
Но отвечать не доставало мочи.

И начал он: "Моих всю бодрость сил,
И мысли все, и все мои стремленья -
Одной я только цели посвятил:
Хвалить Творца и славить в песнопенье.

Но ты велишь скорбеть мне и молчать -
Твоей, отец, я повинуюсь воле:
Весельем сердце не взиграет боле,
Уста сомкнет молчания печать.

Так вот где ты таилось, отречение,
Что я не раз в молитвах обещал!
Моей отрадой было песнопенье,
И в жертву Ты, Господь, его избрал!

Настаньте ж, дни молчания и муки!
Прости, мой дар! Ложись на гусли, прах!
А вы, в груди взлелеянные звуки,
Замрите все на трепетных устах!

Спустися, ночь, на горестного брата
И тьмой его от солнца отлучи!
Померкните, затмитесь без возврата,
Моих псалмов звенящие лучи!

Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
Уймись во мне, взволнованная кровь!
Свети лишь ты, небесная любовь,
В моей ночи звездой лучезарной!

О мой Господь! Прости последний стон
Последний сердца страждущего ропот!
Единый миг - замрет и этот шепот,
И встану я, Тобою возрожден!

Свершилось. Мрака набегают волны.
Взор гаснет. Стынет кровь. Всему конец!
Из мира звуков ныне в мир безмолвный
Нисходит к вам развенчанный певец!"

5

В глубоком ущелье,
Как гнезда стрижей,
По желтым обрывам темнеют пустынные кельи,
Но речи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется к служенью
Отшельников рой;
И вторит тогда их обрядному пенью
Один отголосок глухой.
А там, над краями долины,
Безлюдной пустыни царит торжество,
И пальмы не видно нигде ни единой,
Все пусто кругом и мертво.
Как жгучее бремя,
Так небо усталую землю гнетет,
И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершает над нею полет.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голодного льва;
И снова наступит молчанье,
И снова шумит лишь сухая трава,
Когда из-под камней змея выползая
Блеснет чешуей;
Крылами треща, саранча полевая
Взлетит иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется от дикого клика,
Посыпятся камни, и там, в вышине,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется в небе. На легком коне
Появится всадник; над самым оврагом
Сдержав скакуна запененного лет,
Проедет он мимо обители шагом
Да инокам сверху проклятье пошлет.
И снова все стихнет. Лишь в полдень орлицы
На крыльях недвижных парят,
Да вечером звезды горят,
И скучною тянутся длинные дни вереницей.

6

Порою в тверди голубой
Проходят тучи над долиной;
Они картину за картиной,
Плывя, свивают меж собой.
Так, в нескончаемом движенье,
Клубится предо мной всегда
Воспоминаний череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнут, и вьются без конца,
И вечно волю осаждают,

И онемевшего певца,
Ласкаясь, к песням призывают.
И казнь стал мне праздный дар,
Всегда готовый к пробуждению;
Так ждет лишь ветра дуновенья
Под пеплом тлеющий пожар -
Перед моим тревожным духом
Теснятся образы толпой,
И, в тишине, над чутким ухом
Дрожит созвучий мерный строй;
И я, не смея святотатно
Их вызвать в жизнь из царства тьмы,
В хаоса ночь гоню обратно
Мои непетые псалмы.
Но тщетно я, в бесплодной битве,
Твержу уставные слова
И заученные молитвы -
Душа берет свои права!
Увы, под этой ризой черной,
Как в оны дни под багрецом,
Живым палимое огнем,
Мяется сердце непокорно!
Юдоль, где я похоронил
Броженье деятельных сил,
Свободу творческого слова -
Юдоль молчанья рокового!
О, передай душе моей
Твоих стремнин покой угрюмый!
Пустынный ветер, о развей
Мои недремлющие думы!

7

Тщетно он просит и ждет от безмолвной юдоли покоя,
Ветер пустынный не может недремлющей думы развеять.
Годы проходят один за другим, все бесплодные годы!
Все тяжелее над ним тяготит роковое молчанье.
Так он однажды сидел у входа пещеры, рукою
Грустные очи закрыв и внутренним звукам внимая.
К скорбному тут к нему подошел один черноризец,
Пал на колени пред ним и сказал: "Помоги, Иоанне!
Брат мой по плоти преставился; братом он был по душе мне!
Тяжкая горесть снедает меня; я плакать хотел бы -
Слезы не льются из глаз, но skipаются в горестном сердце.
Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню,
Песнь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!"
Кротко взглянул Иоанн и печально в ответ ему молвил:
"Или не ведаешь ты, каким я связан уставом?
Строгое старец на песни мои наложил запрещенье!"
Тот же стал паки его умолять, говоря: "Не узнает
Старец о том никогда; он отсель отлучился на три дня,

Брата ж мы завтра хороним; молю тебя всею душою,
Дай утешение мне в беспредельно горькой печали!"
Паки ж отказ получив: "Иоанне!- сказал черноризец, -
Если бы был ты телесным врачом, а я б от недуга
Так умирал, как теперь умираю от горя и скорби,
Ты ли бы в помощи мне отказал? И не дашь ли ответа
Господу богу о мне, если ныне умру безутешен?"
Так говоря, колебал в Дамаскине он мягкое сердце.
Собственной полон печали, певец дал жалости место;
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и в воздухе звуки
Стали надгробное мерно гласить над усопшим рыданье.
Слушал певец, наклонивши главу, то незримое пенье,
Долго слушал, и встал, и, с молитвой вошедши в пещеру,
Там послушной рукой начертал, что ему прозвучало.
Так был нарушен устав, так прервано было молчанье.

Над вольной мыслью Богу неуютны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

Ужели вправду мнил ты, близорукий,
Сковать свои мечты?
Ужель попать в себе живые звуки
Насильно думал ты?

С Ливанских гор, где в высоте лазурной
Белеет дальний снег,
В простор степей стремяся, ветер бурный
Удержит ли свой бег?

И потекут ли вспять струи потока,
Что между скал гремят?
И солнце там, поднявшись от востока,
Вернется ли назад?

8

Колоколов унылый звон
С утра долину оглашает.
Покойник в церковь принесен;
Обряд печальный похорон
Собор отшельников свершает.
Свечами светится алтарь,
Стоит певец с поникшим взором,
Поет напутственный тропарь,
Ему монахи вторят хором:

Тропарь

"Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели, -
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья -
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла,
Меня как хищник низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы, -
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши - разрушенье, -
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
Средь груды тлеющих костей
Кто царь? кто раб? судья иль воин?
Кто Царства Божия достоин?
И кто отверженный злодей?
О братья, где серебро и золото?
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье -
Лишь у Тебя на Небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, что было плоть,
Величье наше будет тленье -
Прими усопшего, Господь,
В Твои блаженные селенья!

И Ты, предстательница всем!
И Ты, Заступница скорбящим!
К Тебе о брате, здесь лежащем,
К Тебе, святая, вопием!
Моли Божественного Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отживший на земли
Оставил здесь свои кручины!
Все пепел, прах, и дым, и тень!
О други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах, -
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, -
Прими усопшего раба
В Твои блаженные селенья!"

9

Так он с монахами поет.
Но вот меж ними, гость нежданный,
Нахмуря брови, предстает
Наставник старый Иоанна.
Суровы строгие черты,
Главу подъявля величаво:
"Певец, - он молвит, - так ли ты
Блудешь и чтишь мои уставы?
Когда пред нами братний прах,
Не петь, но плакать нам пристойно!
Изыди, инок недостойный, -
Не в наших жить тебе стенах!"

И, гневной речью пораженный,
Виновный пал к его ногам:
"Прости, отец! не знаю сам,

Как преступил твои законы!
Во мне звучал немолчный глас,
В неодолимой сердца муке
Невольно вырвались звуки,
Невольно песня полилась!"
И ноги старца он объемлет:
"Прости вину мою, отец!"
Но тот раскаянью не внемлет,
Он говорит: "Беги, певец!
Досель житейская гордыня
Еще жива в твоей груди "
От наших келий отойди,
Не оскверняй собой пустыни!"

10

Прошла по лавре роковая весть,
Отшельников смутилося собрание:
"Наш Иоанн, Христовой Церкви честь,
Наставника навлек негодование!
Ужель ему придется перенести,
Ему, певцу, позорное изгнание?"
И жалостью исполнились сердца,
И все собором молят за певца.

Но, словно столб, наставник непреклонен,
И так в ответ просящим молвит он:
"Устав, что мной однажды узаконен,
Не будет даром ныне отменен.
Кто к гордости и к ослушанью склонен,
Того как терн мы вырываем вон.
Но если в нем неложны сожаленья,
Эпитимьей он выкупит прощенье:

Пусть он обходит лавры черный двор,
С лопатою обходит и с метлою;
Свой дух смилив, пусть всюду грязь и сор
Он непокорной выметет рукою.
Дотоль над ним мой крепок приговор,
И нет ему прощенья предо мною!"
Замолк. И, вняв безжалостный отказ,
Вся братия в печали разошлась.

Презренье, други, на певца,
Что дар священный унижает,
Что пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгод предпочел,
Что угождению и лести
Бесстыдно продал свой глагол!

Из века в век звучать готово,
Ему на казнь и на позор,
Его бессовестное слово,
Как всенародный приговор.

Но ты, иной взалкавший пищи,
Ты, что молитвою влеком,
Высокий сердцем, духом нищий,
Живущий мыслью со Христом,
Ты, что пророческого взора
Пред блеском мира не склонял,
Испить ты можешь без укора
Весь унижения фиал!

И старца речь дошла до Дамаскина.
Эпитимьи условия узнав,
Певец спешит свои загладить вины,
Спешит почтить неслыханный устав.
Сменила радость горькую кручину:
Без ропота лопату в руки взяв,
Певец Христа не мыслит о пощаде,
Но униженье терпит Бога ради.

Тот, Кто с вечною любовью
Воздавал за зло добром -
Избиен, покрытый кровию,
Венчан терновым венцом -
Всех, с Собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных,
Осенил Своим Крестом.

Вы, чьи лучшие стремления
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавление -
К Божью свету мы грядем!
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом!

11

Темнеет. Пар струится синий;
В ущелье мрак и тишина;
Мерцают звезды; и луна
Восходит тихо над пустыней.
В свою пещеру одинок
Ушел отшельник раздраженный.
Все спит. Луной посеребренный,
Иссякший видится поток.

Над ним скалистые вершины
Из мрака смотрят там и тут;
Но сердце старца не влекут
Природы мирные картины;
Оно для жизни умерло.
Согнувши строгое чело,
Он, чуждый миру, чуждый братьям,
Лежит, простерт перед распятым.
В пыли седая голова,
И смерть к себе он призывает,
И шепчет мрачные слова,
И камнем в перси ударяет.
И долго он поклоны клал,
И долго смерть он призывал,
И наконец, в изнеможенье,
Безгласен, наземь он упал,
И старцу видится виденье:

Разверзся вдруг утесов свод,
И разлилось благоуханье,
И от невидимых высот
В пещеру падает сиянье.
И в трепетных его лучах,
Одеждой звездною блистая,
Явилась Дева Пресвятая
С Младенцем спящим на руках.
Из света чудного слиянный,
Ее небесно-кроток вид.
"Почто ты гонишь Иоанна? -
Она монаху говорит. -
Его молитвенные звуки,
Как голос Неба на земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
Почто ж ты, старец, заградил
Нещадно тот источник сильный,

Который мир бы напоил
Водой целебной и обильной?
На то ли жизни благодать
Господь послал своим созданьям,
Чтоб им бесплодным истязаньем
Себя казнить и убивать?
Он дал природе изобилье,
И бег струящимся рекам,
Он дал движенье облакам,
Земле цветы и птицам крылья.
Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!
Да оросят его мечты,

Как дождь, житейскую долину;
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!"

Виденье скрылось в облаках,
Заря восходит из тумана...
Встает встревоженный монах,
Зовет и ищет Иоанна -
И вот обнял его старик:
"О сын смирения Христова!
Тебя душою я постиг -
Отныне петь ты можешь снова!
Отверзи вещие уста,
Твои окончены гоненья!
Во имя Господа Христа,
Певец, святыя вдохновенья
Из сердца звучного излей,
Меня ж, молю, прости, о чадо,
Что слову вольному преградой
Я был по грубости моей!"

12

Воспой же, страдалец, воскресную песнь!
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коснения долгая плеснь,
Воскресло свободное слово!

Того, кто оковы души сокрушил,
Да славит немолчно созданье!
Да хвалят торжественно господа сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
И всякое в мире дыханье!

Блажен, кому ныне, Господь, пред Тобой
И мыслить и молвить возможно!
С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой
Во имя Твое он выходит на бой
Со всем, что неправо и ложно!

Раздайся ж, воскресная песня моя!
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою!

Не с диких падает высот,
Средь темных скал, поток нагорный;
Не буря грозная идет;
Не ветер прах вздымает черный;
Не сотни гнущихся дубов

Шумят главами вековыми;
Не ряд морских бежит валов,
Качая гребнями седыми,-

То Иоанна льется речь,
И, сил исполненная новых,
Она громит, как Божий меч,
Во прах противников Христовых.

Не солнце красное встает;
Не утро светлое настало;
Не стая лебедей взыграла
Весной на лоне ясных вод;
Не соловьи, в стране привольной,
Зовут соседних соловьев;
Не гул несется колокольный
От многохрамных городов,-

То слышен всюду плеск народный,
То ликование христиан,
То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн,
Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда.

1858 (?)